

**Д. П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ.
ПУШКИН (1928)**

*Пер. с франц. М.А. Ариас-Вихиль;
публ., вступит. заметка и комментарии М.В. Ефимова*

© 2018 г. М. А. Ариас-Вихиль

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН,
121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а
marina.arias@mail.ru

© 2018 г. М. В. Ефимов

Старший научный сотрудник Выборгского объединенного
музея-заповедника, соискатель ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН,
188800 Ленинградская область, г. Выборг, Замковый остров, дом 1
mikhail.v.efimov@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию 28 ноября 2017 г.

**D. P. SVIATOPOLK-MIRSKY.
PUSHKIN (1928)**

*Translated from the French by M. Arias-Vichel;
Foreword and Notes By M. Efimov*

© 2018 Marina A. Arias-Vikhil

Senior Researcher at the Institute of World Literature of the RAS,
25a Povarskaia St, Moscow, 121069, Russia
marina.arias@mail.ru

© 2018 Mikhail V. Efimov

Senior Researcher at the Vyborg Castle Museum, candidate for PhD degree
at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS,
Castle Island 1, Vyborg, Leningrad Region, 188800, Russia
mikhail.v.efimov@gmail.com

Received by Editor on November 28, 2017.

Впервые на русском языке печатается статья о Пушкине, написанная по-французски литературным критиком и историком литературы кн. Д.П. Святополк-Мирским (1890–1939). Опубликованная во французском журнале “Commerce”, статья представляет собой интерес не только предлагаемой Святополк-Мирским характеристикой творчества Пушкина, но и как ценное свидетельство культурных контактов русских эмигрантов и французских интеллектуалов в 1920-х гг.

The present publication introduces for the first time an article of 1928 in French by D.P. Sviatopolk-Mirskii (Prince D.S. Mirsky, 1890–1939), the literary critic and historian of literature. Published in the French magazine “Commerce”, apart from its importance in illustrating Sviatopolk-Mirskii’s views on Pushkin, the article offers valuable testimony concerning contacts between Russian émigré and French intellectuals in this period. It has not previously been translated into Russian.

Ключевые слова: Святополк-Мирский, Пушкин, русская эмиграция, “Commerce”, перевод, русская литература.

Key words: D.P. Sviatopolk-Mirskii, Pushkin, Russian emigration, “Commerce”, translation, Russian literature.

**Французская статья
Д.П. Святополк-Мирского о Пушкине**

М.В. Ефимов

Написанная по-французски статья литературного критика и историка литературы кн. Д.П. Святополк-Мирского (1890–1939) была впервые опубликована в 1928 г. во французском журнале “Commerce” [1].

К моменту публикации этой статьи Святополк-Мирский уже был известен как исключительно яркий литературный критик в русском зарубежье, а также как один из крупнейших в англоязычном мире специалистов по истории русской литературы¹. Англоязычная публикационная активность Святополк-Мирского в 1920-е гг. не имеет точных аналогов среди русских эмигрантов-интеллектуалов, в числе которых известны случаи исключительно успешной абсорбции в иноязычную среду (французскую² – Б.Ф. Шлецер, В.В. Вейдле, немецкую и чешскую – Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон). Случай Святополк-Мирского, однако, вполне подтверждает тезис Г. Тиханова: “Изгнание и эмиграция были крайним выражением гетеротопии, вызванной грандиозными историческими изменениями и принесшей не только травму перемещения, но и творчески продуктивную необходимость функционировать в нескольких языках и культурах одновременно” [4, с. 341].

В самом начале своей эмиграции, в сентябре 1920 г., Святополк-Мирский сообщал своему английскому другу Морису Берингу, что “начал писать книгу на французском о французской поэзии, поскольку она удивляет un barbare”. В том же письме Святополк-Мирский писал, что “готов<ит> также серию эссе о современных русских писателях, не очень известных, и их можно было бы написать на английском” [5, с. 241]³. Святополк-Мирский, судя по этому письму, рассматривал как равные возможности вести литературно-критическую деятельность на двух, как минимум, языках – английском и французском. Показательно, что в письме 1920 г. русский язык не рассматривается как возможный (статьи Святополк-Мирского в эмигрантской периодической печати появятся только в 1923 г.).

Святополк-Мирский был одним из первых, кто последовательно знакомил англоязычную аудиторию с феноменом Пушкина. В качестве англоязычного слависта Святополк-Мирский был автором книги о Пушкине (1926) [7] и двух томов

истории русской литературы, в одном из которых, “Истории русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)” (“A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)”) (1927) [8, р. 106–127, 150–154], Святополк-Мирский подробно рассматривал биографию и творчество Пушкина.

Этим развернутым высказыванием предшествовала статья о Пушкине, опубликованная Святополк-Мирским по-английски в 1923 г. в британском славистическом журнале “The Slavonic Review” [9]⁴. Об этой статье видный литературный критик К. Мочульский отозвался следующим образом: «На нескольких страницах в сжатой и популярной форме рассказать английскому читателю о Пушкине, объяснить ему, *что такое* Пушкин – задача исключительная по трудности и ответственности. Это “essay” написано блестяще; оно поучительно и для самого искушенного пушкиниста. Характеристика пушкинского творчества связывается автором с пересмотром всего “вопроса”. Лже-Пушкин, сфабрикованный Берлинским и приспособленный к идейному обиходу интеллигенции, решительно отстраняется; уничтожается легенда о “великом представителе русского духа”, “выразителе народных дум”, “певце чувств добрых”. Другая установка, иной подход – и перед нами новое – живое лицо поэта» [13, курсив Мочульского]. Англоязычные высказывания Святополк-Мирского о Пушкине 1926–1927 гг. справедливо увидеть как развитие тезисов статьи 1923 г.⁵, а статью Святополк-Мирского о Пушкине, написанную по-французски в 1928 г., читать на фоне предшествующих ей англоязычных текстов Святополк-Мирского. При этом Святополк-Мирский и после публикации своих фундаментальных книг по истории русской литературы продолжал следить за новейшими публикациями как в сфере российской пушкинистики⁶, так и в области западноевропейской рецепции творчества Пушкина. В частности, в 1929 г. Святополк-Мирский сочувственно рецензировал по-английски книгу французских переводов избранных сочинений Пушкина, выпущенную французским славистом А. Лиронделем [16]⁷.

В свою очередь, первостепенно важны и обстоятельства появления статьи Святополк-Мирского в журнале “Commerce”. Осуществленная С. Леви

¹ См. [2].

² См. подробный обзор в [3].

³ Оригинал письма по-английски см.: в [6, р. 27–28].

⁴ Перепеч. в [10, р. 118–131]. Русск. пер. см. в [11, с. 56–66], см. также [12].

⁵ Подробнее см. [14].

⁶ См., напр., рецензию на книгу “Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832” (Л.: Издание Академии наук СССР, 1927) [15]. Русск. пер.: [11, с. 193].

⁷ Русск. пер.: [11, с. 197].

и Дж. Смитом публикация писем Святополк-Мирского к издательнице журнала, М. Каэтани [17], позволяет оценить собственно франкоязычный — и шире: европейский — контекст данной публикации.

В “Commerce”, выходившем в 1924–1932 гг., печатались А. Жид и С.-Ж. Перс, П. Клодель и А. Бретон, Т.С. Элиот и Р.М. Рильке, Х. Ортега-и-Гассет и Х. фон Гофмансталь и многие другие. Как отмечает С. Леви, “Commerce” «был французским изданием; печатался в Париже, контролировался триумvirатом французов и большей частью представлял французские тексты, не печатавшиеся прежде. “Commerce” публиковал произведения, написанные на английском, немецком, итальянском, испанском, русском и датском языках. Отобранные редколлекцией иностранные тексты печатались не в оригинале, а во французских переводах, которые делались впервые специально для этих публикаций» [17, р. XXI].

Как утверждает Дж. Смит, знакомство Святополк-Мирского с М. Каэтани произошло при содействии Бернарда Гротхойзена, участника — как и Святополк-Мирский — знаменитых “Декад Понтины”, куда приглашались лишь крупнейшие интеллектуалы межвоенной Европы [17, р. 8]. При этом важно отметить, что первичным поводом для общения Святополк-Мирского с Каэтани была не столько “экспертиза” русского материала для “Commerce”, сколько вопрос о возможной финансовой помощи со стороны Каэтани для издававшегося Святополк-Мирским журнала “Версты” [18]. В третьем (и оказавшимся последним) номере “Верст”, вышедшем в 1928 г., Святополк-Мирский исключительно высоко отозвался о французском журнале: «Это — как бы цитадель французской литературной культуры, не старой академической, а живой, современной. “Commerce” не “revue d’avantgarde”, а орган зрелых и взрослых, но он смотрит вперед, а не назад» [11, с. 189]⁸.

Святополк-Мирский был добровольным и эффективным посредником между русской словесностью и модернистской Европой в том ее виде, в каком она была представлена в “Commerce”. Святополк-Мирский убеждал Каэтани (с различным результатом) публиковать в журнале Ремизова, Цветаеву, Пастернака, Бабея, Ник. Тихонова и даже Лескова — и выступал в разное время в качестве редактора переводов и агента русских писателей. При этом формальное участие Святополк-Мирского в “Commerce” ограничилось

лишь двумя публикациями — статьей о Пушкине в 1928 г. и публикацией в 1930 г. — совместно с Ж. Лимбуром — перевода на французский “Египетской марки” О. Манделъштама [20].

В заметке, опубликованной в третьих “Верстах” (1928), Святополк-Мирский отмечал: «Из русских были напечатаны “Арап Петра Великого” и стихи Манделъштама и Пастернака в переводах нашей сотрудницы Елены Извольской» [11, с. 189]. Публикация в 1926 г. выполненного Е. Извольской перевода “Арапа Петра Великого” [21] сопровождалась ощутимым редакторским вмешательством, и сделанный после этого Извольской перевод “Медного всадника” в “Commerce” опубликован не был [17, р. 76–77]. Получив этот перевод от М. Каэтани, Святополк-Мирский писал ей в мае 1928 г.: “Конечно, перевод весьма далек от того, каким он должен бы быть. Также, говоря по собственному опыту, нет перевода, который мог бы сделать поэзию Пушкина доступной для иностранца — я об этом распространялся более, чем однажды. Все же кажется, что все труды бедной Елены были напрасны” [17, р. 37–38, курсив Святополк-Мирского].

Далее в этом же письме Святополк-Мирский обсуждает с Каэтани вопрос о публикации в “Commerce” перевода повести Пушкина “Выстрел”. Инициатива публикации перевода исходила от А. Жида, который ранее, в 1923 г., опубликовал совместно с Б. Шлецером и Ж. Шифриным перевод “Пиковой дамы” со своим предисловием [22]. В письме к Каэтани Святополк-Мирский замечает: «Если бы <для публикации перевода “Выстрела” в “Commerce”> Жид сделал бы то же, что сделал для “Пиковой дамы” Шифрина, это было бы прекрасно» [17, р. 38]. И далее Святополк-Мирский отмечает, что, «конечно, <он может> изменить свое предисловие, чтобы сделать его подходящим для “Выстрела”» [17, р. 39]. Эти последние слова позволяют предположить, что Святополк-Мирский написал для журнала М. Каэтани статью о Пушкине, которую Каэтани чуть позже предложила опубликовать в качестве сопроводительного текста к публикации перевода “Выстрела”. Это в дальнейшем и произошло: текст Святополк-Мирского появился в том же номере, что и перевод “Выстрела”, и следовал сразу за ним [23], тогда как предисловия А. Жида в публикации нет.

В конце мая 1928 г. Святополк-Мирский отправил М. Каэтани текст статьи о Пушкине, уже учитывая его предстоящую публикацию вместе с переводом “Выстрела”. О своей статье Святополк-Мирский в письме отозвался критически: “Я не

⁸ Впервые: [19, с. 160].

полностью доволен — частью из-за французского языка, частью потому, что я говорю вещи, которые не столь ясны для меня самого, как должны бы быть. Если Вы решите печатать <статью>, я надеюсь, что мой французский будет ощутимо исправлен” [17, р. 39].

Неуверенность Святополк-Мирского в своем письменном французском может показаться несколько утрированной с учетом, по крайней мере, свидетельств самого Святополк-Мирского — в письме к М. Берингу в 1920 г. и в письме к той же Каэтани в 1932 г. Говоря о своей написанной по-французски статье о Т.С. Элиоте [24], Святополк-Мирский заметил: “Моя английская подруга, прочитавшая статью, сказала, что была поражена, насколько мой французский лучше моего английского. Сомнительный комплимент!” [17, р. 51].

Французской статье Святополк-Мирского о Пушкине, однако, предстояло вскоре претерпеть метаморфозу, которая включала в себя два языка, французский и английский. В октябре 1928 г. Святополк-Мирский писал Каэтани: «Лондонский издатель попросил меня написать предисловие для ограниченного издания “Пиковой дамы” и я его написал; но когда он прочитал мое французское эссе в “Commerce”, оно понравилось ему настолько, что он попросил меня дать его в качестве предисловия. Я не собираюсь этого делать, но хотел бы использовать несколько параграфов из этой статьи для английского предисловия. Я хочу получить Ваше разрешение сделать это и <знать>, есть ли у Вас какие-либо возражения против этого» [17, р. 40].

Как можно понять, М. Каэтани не стала возражать против использования фрагментов текста Святополк-Мирского, опубликованного в “Commerce”, и в 1928 г. англоязычное предисловие Святополк-Мирского было опубликовано в Лондоне [25]. Сличение оригинального французского текста и англоязычного предисловия позволяют говорить о том, что Святополк-Мирский несколько преуменьшал в письме к Каэтани степень использования текста из “Commerce”⁹. Важнее, однако, представляется другое: англоязычный текст Святополк-Мирского 1928 г., посвященный Пушкину, представляет собой редкий (и едва ли не единственный в биографии Святополк-Мирского) случай перевода и активного парафразирования Святополк-Мирским *по-английски* своего *французского* текста.

Лондонский издатель перевода “Пиковой дамы”, в свою очередь, и в дальнейшем был причастен

к судьбе французского текста Святополк-Мирского о Пушкине. Имя издателя — Иосиф Ефимович Путерман (1885—1940) — хорошо известно историкам русско-еврейской культуры XX в.¹⁰ Дж. Смит назвал Путермана “одной из наиболее смутных фигур в эмигрантской жизни Святополк-Мирского” [2, р. 30]. Путерман был основателем и директором издательства “The Blackamore Press”, которое, помимо английского перевода “Пиковой дамы”, выпустило — и также с предисловием Святополк-Мирского — “Краткую историю Московии” Дж. Мильтона [27]. В 1930-е гг. Путерман издавал в Париже еженедельник, был одним из акционеров “Éditions de la Pléiade”, а также поддерживал связи с советским торгпредством в Париже [28, р. 109].

Быть может, именно последнее обстоятельство и объясняет, почему под редакцией Путермана в 1937 г. в Париже вышел сборник, приуроченный к 100-летию гибели Пушкина [29]. В книгу вошли статьи В.В. Вересаева («Предшественники “Жизни Пушкина”»), В.А. Десницкого (статья “Пушкин и мы”, которая в СССР была опубликована в 1937 г. в одноименнике Пушкина) и статья Святополк-Мирского из “Commerce”. В 1928 г. Путерман хотел напечатать эту статью в качестве предисловия к переводу “Пиковой дамы”, но лишь в 1937 г. он смог опубликовать этот текст в редактируемом им издании.

Осенью 1932 г. Святополк-Мирский уехал в СССР, но, и живя в СССР, он продолжал поддерживать связь с Путерманом. Так, в июне 1934 г. Святополк-Мирский писал С.Н. Андрониковой-Гальперн: «Путерман вдруг исчез с моего горизонта. Я ему послал месяца три тому назад роскошное издание “Евгения Онегина” <...> Скажите Путерману написать насчет “Евгения Онегина”» [28, р. 113]. Неизвестно, был ли Святополк-Мирский осведомлен о планах Путермана опубликовать в Париже в 1937 г. его текст, написанный в годы эмиграции. В своих печатных выступлениях советского периода Святополк-Мирский ни разу не сделал отсылку к своим историко-литературным работам эмигрантского периода. Волею трагических обстоятельств в 1937 г. Святополк-Мирский был арестован и через два года погиб в лагере. Вероятность того, что он знал о выходе в Париже книги с перепечаткой своей французской статьи 1928 г. существует, но она не велика.

Сам Путерман, сколько можно судить, испытывал к Святополк-Мирскому интерес не только профессионально-издательский, но и человеческий. В октябре 1938 г., когда Святополк-Мирский

⁹Дж. Смит говорит о “точном соответствии некоторых разделов французского и английского текстов” [2, р. 338].

¹⁰См.: [26, с. 299–311].

уже находился в лагере (о чем Путерман не мог знать), Путерман писал С.Н. Андрониковой-Гальперн: “Мне страшно часто снится Дим. Эти сны меня совершенно измучили” [28, р. 113]. Контекст и использование Путерманом частного имени Святополк-Мирского (“Дим”) позволяет предполагать в Путермане особую расположенность к Святополк-Мирскому.

После парижской публикации 1937 г. французская статья Святополк-Мирского о Пушкине ни разу не перепечатывалась и никогда не переводилась на русский язык. Ныне, восемьдесят лет спустя, она впервые становится доступной русскому читателю.

Публикатор и переводчик благодарят Дж. Смита (Gerald S. Smith) (Оксфорд), Э. Джефферсон (Ann Jefferson) (Оксфорд), Р. Дэвиса (Richard Davies) (Лидс), М.Э. Маликову (Санкт-Петербург), Т.В. Марченко (Москва), П.Р. Заборова (Санкт-Петербург), Д.В. Токарева (Санкт-Петербург) за разнообразную помощь при подготовке публикации.

Перевод выполнен по изданию: Pouchkine: 1837–1937 / Textes recueillis et annotés par J.E. Pouterman. Paris: Editions sociales internationales, 1937. P. 125–134.

* * *

Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ. ПУШКИН (1928)

Пер. с франц. М.А. Ариас-Вихиль

Есть трагическая ирония в том, что можно назвать романом Пушкина с Европой. Больше, чем всякий другой русский писатель, он любил и испытывал ностальгию по Западу, считая его подлинным прибежищем духа, его *home*. Однако Николай I с садистским деспотизмом не позволил ему увидеть ни Венецию, ни Лондон; и смерть он принял от европейца, эльзасца Дантеса. Его творчество, обожествляемое в России, не вызвало никакого отклика в Европе. Франция была к нему особенно жестока: “Ваш поэт плоский”, – говорил Флобер Тургеневу¹¹. Мериме испытывал к Пушкину некоторый интерес, но не потому что признавал в нем великого поэта, а скорее потому,

что этот “афинянин среди скифов”¹² представлял собой в его глазах любопытное зрелище. И сегодня, когда Достоевский и Чехов стали идолами всех интеллектуалов, улица пятнадцатого округа носит имя Толстого и даже неуловимый Гоголь дал почувствовать свое таинственное очарование, Европа осталась при прежнем мнении о Пушкине, мнении Флобера. Лишь немцы, для которых мифология с некоторых пор превратилась в национальное ремесло, верят, что открыли в самом аполлоническом из современных поэтов предшественника *Russentum Dostojewskis*¹³.

Трудно русскому говорить о Пушкине с европейцами, еще труднее с латинянами. Ни одной из “славянских добродетелей” в нем не найти. Он и не мистичен, и не глубок, и не варвар. Он не близок ни к Богу, ни к Природе, ни к Подсознательному. Его сердце не такое широкое, как у князя Мышкина, и в нем напрасно искать презрительное снисхождение Чехова. Он способен понимать, не прощая. Его мир человеческий и разумный, им управляют законы морали и логики. Его стиль отличается сдержанностью и целомудрием, очищен от всякой экзотики, лишен неопределенности и неясности. Но как заставить французов поверить, что Россия произвела на свет великого поэта, не меньшего классика, чем Расин.

Всякая классическая поэзия в восприятии требует определенного усилия, доброй воли, которая не возникает вдруг. Она “не поражает, прежде всего”, и читателю трудно смириться с ожиданием, что “дальше она тем сильнее поражает”. Его понуждают к пониманию ее груз тысячелетней традиции (так ему приходится терпеть древних), влияние элиты, обладающей точным и неколебимым вкусом (как тот, которым руководствовался Буало), или воздействие какой-то другой внешней силы, имеющей авторитет и престиж. Мнение иностранцев, особенно если оно исходит от варварской страны, никогда не будет иметь достаточного влияния и не заставит европейскую публику сделать усилие, необходимое для того, чтобы убедиться в обратном. Пока Россия не предстанет перед латинским миром истинно цивилизованной нацией, Пушкин останется для французов тем, чем он был для Флобера.

“Плоскостность”, в которой упрекал Пушкина Флобер, сводится при анализе к небольшому

¹¹Первичный источник высказывания не обнаружен. Суждение Флобера о Пушкине приводилось не раз (напр., в работе А. Менье [30]), однако без указания источника цитаты. Флобер совместно с Тургеневым работал над переводами стихов Пушкина на французский язык. См.: [31].

¹²Выражение “скиф среди афинян” принадлежит скифскому царевичу, философу Анахарсису (ок. 605–545 гг. до н.э.); в европейский обиход формула вошла, вероятно, благодаря роману Ж.-Ж. Бартеlemi “Voyage du jeune Anacharsis en Grèce” (1788).

¹³Русскости Достоевского, нем. – прим. перев.

числу определенных стилистических особенностей, главной из которых является отсутствие метафор. Так, начиная с эпохи романтизма, мы привыкли отождествлять поэзию с метафорой. Никакой поэзии без метафоры – если только не приложить усилие доброй воли, о котором я говорил. Как и у Расина, отсутствие метафор¹⁴ приводит у Пушкина к наготе и почти абстрактности стиля, для которого непредсказуемые оттенки смысла и фонетические находки имеют тем большее значение, в противоположность насыщенному образам стилю Китса или Гюго. Эти оттенки, в конечном счете, в общей экономике произведения перевешивают и делают его вдвойне непереводаемым.

Реми де Гурмон утверждает, что метафора является собой прогресс по отношению к сравнению. По его мнению, поэт выказывает большую чувствительность, если называет звезды пчелами, чем когда он говорит: звезды похожи на пчел¹⁵. Но Гурмон выступает здесь как сын эпохи романтизма: это романтики заново привнесли в поэзию примитивное и мифическое сознание, смешивающее образ и предмет, разведя тем самым поэзию и разум, что столь типично для XIX века. Ионийцу Гомеру, томисту Данте сравнения было достаточно, чтобы овладеть целым миром образов. – И действительно, оно лучше, чем что-либо, соединяет поэзию и разум. Оно является классической ясностью, противостоящей романтическим сумеркам, логической линией, противостоящей эмоциональному цвету. Оно отказывается от амбиции сжать в объятиях облако – Целое – как того желал романтический Иксион¹⁶, но оно концентрирует в одном месте максимум энергии, умысла и точности. Оно активно. Оно не сгибается под внешним миром, но сгибает его под свою волю. Пушкин не считал поэзию враждебной разуму, скорее он видел в ней форму разума.

Вдохновение, – говорил он, – есть расположение души к живейшему принятию впечатлений, следственно к *быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных. Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии.*

Геометрическая ясность пронизывает все творчество Пушкина и порой сближает его больше

с творчеством Анри Пуанкаре, чем с творчеством поэта эпохи романтизма.

Однако разум не всегда является главной движущей силой поэтической работы Пушкина. Поэзия для него в большей степени акт созидания, чем познания. Созидать, производить, “изменять среду” производством новых предметов, такова роль художника, какой видит ее Пушкин.

Итак, в его творчестве следует различать формальную часть, во многом важнейшую, если принимать во внимание количество, и часть “познавательную”, в которой вдохновение обнаруживает геометрический порядок; и здесь Пушкин обособывает самое прекрасное и амбициозное определение, которое только можно дать поэзии: неэвклидова этика. И если у нас, русских, есть причины ставить Пушкина сразу после Гомера и Данте, то этим он обязан второй части своего творчества, включающей, наряду с некоторыми лирическими стихотворениями, “Цыган”, “Моцарта и Сальери”, “Каменного гостя”, “Русалку”, “Медного всадника”.

Совокупность этического опыта Пушкина – как всякого классика – есть познание трагического. Его трагическое – не Эсхила в “Вакханках”, не Шекспира. Он близок скорее к Гомеру, Данте, “Федре”, Бодлеру. Это трагедия необратимости времени, непоправимости, человеческая трагедия по преимуществу. Самое гениальное выражение этого трагического знания – “Каменный гость” – самое великое поэтическое творение для многих из нас. Это суровое и жестокое произведение, лишенное лиризма, чистый образец аполлонической трагедии.

“Аполлоническое” – именно такое определение подходит трагическому творчеству Пушкина, когда он оставляет динамическое временное измерение и берет темой, как в “Медном всаднике”, статическую трагедию, вызванную социальной структурой человечества.

Но такие произведения, как я уже говорил, составляют меньшинство. Большая часть стихотворений Пушкина и почти все его произведения в прозе являются образцом формы, “прекрасными предметами”, вышедшими из рук высокого и добросовестного ремесленника. В их числе следовало бы различать в зависимости от пропорции присутствующих в них экстра-эстетических элементов произведения с децентрированной структурой и произведения, представляющие собой совершенное единство, очищенное от всяких чуждых элементов. Несравненный “Царь Салтан” является из всех поэм самым “прекрасным предметом” в наиболее чистом виде. В нем

¹⁴Разумеется, и у одного, и у другого мы находим распространенные метафоры типа огонь-страсть, но, с эстетической точки зрения, нельзя сказать, что это метафоры – прим. Святополк-Мирского.

¹⁵Святополк-Мирский дает парафраз высказывания из статьи Р. де Гурмона “La comparaison et la métaphore” [32].

¹⁶Фессалийский царь Иксион захотел овладеть Юноной, но Юпитер подменил её облаком – прим. перев.

мы находим пастеризованную поэзию, очищенную от проростков “человеческих смыслов”.

Среди прозаических произведений ни “Арап Петра Великого”, ни “Дубровский”, ни “Капитанская дочка” не представляются “очищенными”. В них большое значение имеют исторические и социальные интерпретации. Рабочая энергия Пушкина значительно согнала словесный избыточный вес, характерный для его литературных предшественников — романов Вальтера Скотта; его повествование более сухое, свободные описания полностью устранены (особенно в “Дубровском”). Тем не менее, интерес, вызываемый его повестями, по-прежнему связан, по большей части, с рассказываемыми событиями. “Чистое повествование” удалось Пушкину только в “Пиковой даме” (1834) и в пяти повестях (в числе которых “Выстрел”), написанных в 1830 году и опубликованных в 1831 как повести покойного Ивана Петровича Белкина, вымышленного персонажа, роль которого и состоит в обосновании идеи “чистого повествования” в силу его наивности и литературной неопытности.

Сильный, сухой костяк, суровая нагота, отказ от всего, что не является необходимым в ансамбле, — таковы наиболее характерные особенности “Повестей” (и “Пиковой дамы”), таковы также главные черты “чистого повествования”, по крайней мере, в его классическом виде. Но нужно еще что-то для достижения чистоты: отсутствия всякого случайного человеческого или психологического интереса недостаточно, если не прибавить определенную дозу *неправдоподобного*, функция которого — держать в узде любые попытки читателя интерпретировать происходящее как жизненный опыт, а не как нечто, имеющее отношение только к единству повести. Как в движущемся поезде перемещения пассажиров рассматриваются относительно закрытой системы, так и персонажи действуют здесь внутри закрытой системы их родной повести. Вне этой связи их поступки не имеют никакого смысла и не поддаются никакой интерпретации.

Само собой разумеется, что выбор сверхъестественных или фантастических изначальных данных недостаточен для создания “чистого повествования”. Романы Дэвида Гарнетта¹⁷, например, всего лишь правдоподобные психологические опыты, которые отталкиваются от неправдоподобной ситуации. В этом и состоит, возможно, самая прекрасная игра, но она не имеет ничего

общего с чистым повествованием, которое создает Пушкин. Исходная ситуация в “Повестях Белкина” по своей природе совершенно буржуазная. Значит, в противоположность ей, “психология”, логика действия должны быть совершенно неправдоподобными, чтобы помешать читателю выйти из закрытой системы повествования — они не должны быть абсурдными или невозможными, но такими, чтобы к ним нельзя было бы применить критерии психологического правдоподобия, чтобы они принадлежали бы к другой шкале критериев. Это тот же тип неправдоподобия, который мы наблюдаем в современном театре, в пьесах “Удалой молодец — гордость Запада”¹⁸ и “Великодушный рогоносец”¹⁹.

Это совершенно противоречит правилам классического искусства, считавшего правдоподобие главным достоинством. Значение чистого повествования состоит не в том, что оно согласуется с законами Природы, которая рассматривается как знакомая и устойчивая система, оно должно отвечать *Gestalt*²⁰, неуловимой и смутной форме внутреннего леса писателя, всеобъемлющим и неделимым образом оно должно вызвать аналогичную *Gestalt* в сознании читателя. Первые опыты чистого повествования принадлежат эпохе романтизма. Гофман²¹ и По, вместе с Пушкиным, были первопроходцами на этом пути. Но когда мы сравниваем Пушкина с По, то замечаем, насколько Пушкин классичен, или, если угодно, аполлоничен. “Чистое повествование” По, “Падение дома Эшеров”, например, представляет собой определенное единство, но это единство цвета и атмосферы, *Stimmung*²² плывущее и облачное. Превращение оказывается неполным, на “неровных полях” (*ragged edges*²³) остаются грубые эмоции, подобно обесцвеченному ореолу, опоясывающему пятно от разбавленного вина.

У Пушкина, наоборот, всегда единство действия, рисунка, *Gestalt*, четко вырезанная форма, как форма кристалла или машины. Таким образом, превращение исходной внутренней ситуации

¹⁸“Удалой молодец — гордость Запада” (“The Playboy of the Western World”, 1907) — пьеса ирландского драматурга Джона Миллингтона Синга (John Millington Synge; 1871–1909).

¹⁹“Великодушный рогоносец” (Le cocu magnifique, 1921) — пьеса бельгийского драматурга Фернана Кроммелинка (Fernand Crommelynck; 1886–1970). Пьеса называлась “Великодушный рогоносец” в первом русском переводе И. Аксёнова [33], 1926); в позднейшем переводе Раисы Линцер пьеса стала называться “Великолепный рогоносец” [34].

²⁰Форма, нем. — прим. перев.

²¹Гофман, впрочем, оказал влияние на Пушкина. См. “Пиковую даму”. — прим. Святополк-Мирского.

²²Настроение, нем. — прим. перев.

²³Рваные края, англ. — прим. перев.

¹⁷Гарнетт Дэвид (David Garnett; 1892–1981) — английский писатель и издатель, член круга Блумсбери.

у Пушкина осуществляется полностью; ничего не остается снаружи монолитного единства повествования, что позволило бы нам догадаться об изначальной ситуации. Что касается нагого и бесплотного стиля повестей Пушкина, он лишь подчеркивает факт сгорания без остатка использованного материала. И это делает произведение символом, чем-то в корне отличным от метафоры. В то время как метафора является только одной из возможных и взаимозаменяемых идентификаций, символ есть окончательное и необходимое превращение внутренней непознаваемой субстанции в субстанцию внешнюю и видимую, в устойчивый и высокопрочный объект, который обогащает не мир идей, а мир предметов, и не имеет другого имени, кроме того, которым его называют.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Mirsky D.S.* Sur Pouchkine // Commerce. 1928. Cahier XVI. P. 83–97.
2. *Smith G.S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. Oxford, 2000.
3. *Livak L.* Russian Emigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France. A Bibliographical Essay. Montreal–Kingston–London–Ithaca, 2010.
4. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. М., 2011. [*Istoriia russkoi literaturnoi kritiki: sovetskaia i postsovetskaia epokhi. Pod red. E. Dobrenko, G. Tikhanova*] [A History of Russian Literary Theory and Criticism. The Saliat and Post-Saliat Periods. Ed. E. Dobrenko, G. Tihanov]. Moscow, 2011.]
5. *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. ст. В.В. Перхина. СПб: Алетейя, 2002. [*Sviatopolk-Mirsky, D.P. Poety i Rossiia: stat'i, reitsenzii, portrety, nekrologi / Sost., podg. tekstov, prim. i vstup. st. V.V. Perkhina*] [Poets and Russia: Articles, Reviews, Portraits, Obituaries. Ed. and Comp. V.V. Perkhin]. St. Petersburg, 2002.]
6. *Lavroukine N.* Maurice Baring and D.S. Mirsky: A Literary Relationship. The Slavonic and East European Review. 1984. Vol. 62. № 1. P. 25–35.
7. *Mirsky D.S.* Pushkin. London: George Routledge – New York, 1926. (Republic of Letters Series, ed. W. Rose).
8. *Mirsky D.S.* A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). London – New York, 1927.
9. *Mirsky D.S.* Pushkin. The Slavonic Review. 1923 (June). Vol. 2. № 4. P. 71–84.
10. *Mirsky D.S.* Uncollected Writings on Russian Literature. Edited, with an Introduction and Bibliography, by G.S. Smith. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1989. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts, vol. 13).
11. *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., матлы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. М., 2014. [*Mirsky, D. O literature i iskusstve: Stat'i i reitsenzii 1922–1937 / Sost., podg. tekstov, komment., mat-ly k bibliografii O.A. Korosteleva i M.V. Efimova; vstup. stat'ia Dzh. Smita*] [On Literature and Art: Articles and Reviews, 1922–1937. Edited, Compiled, and with a Bibliography, by O. Korostelev and M. Efimov; Introduction by G. Smith]. Moscow, 2014.]
12. “Судья строгий, но праведный”: Статьи и рецензии Д. Мирского в журнале “The Slavonic Review” (1922–1929). Публ., вступит. ст. и коммент. О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; пер. с англ. М.В. Ефимова // Русская литература. 2013. № 2. С. 199–232. [*“Sud'ia strogii, no pravednyi”: Stat'i i reitsenzii D. Mirskogo v zhurnale “The Slavonic Review” (1922–1929). Publ., vstupit. st. i komment. O.A. Korosteleva i M.V. Efimova; per. s angl. M.V. Efimova*] [“A Severe but Righteous Judge”: Articles and Reviews by D.S. Mirsky in “The Slavonic Review” (1922–1929). Edited by O. Korostelev and M. Efimov. Translated by M. Efimov]. *Russkaia literatura* [Russian Literature]. 2013. № 2. P. 199–232.]
13. *К. В. [Мочульский К.В.]* Новое о Пушкине. Звено. 1924. January 28. № 52. P. 3. [K. V. [Mochul'sky, K.V.] New on Pushkin]. *Zveno*. 1924. January 28. № 52. P. 3.]
14. *Ефимов М.* Как сделан “Pushkin” Мирского: биография классика и авторепрезентация автора // Транснациональное в русской культуре. Сб. материалов международной научной конференции “Transnational Russian Culture / (2015 г., Хельсинки, University of Helsinki). М., 2018. (в печати). [Efimov, M. [How Mirsky's Pushkin Was Made: the Biography of a Classic and the Self-Representation of the Author]. [Transnational Russian Culture. Proceedings of the International Conference, Helsinki. 2015]. Moscow, 2018 (in press).]
15. *D.S.M.* Pis'ma Pushkina k Elizavete Mikhaylovne Khitrovo. 1827–1832. (Letters of Pushkin to Elizabeth M. Hitrovo.) Publication of the Academy of Sciences of the U.S.S.R. Leningrad, 1927. 3 roubles // The Slavonic and East European Review. 1928. Vol. 7. № 19. P. 228.
16. *D.S.M.* Pouchkine: Oeuvres choisies. Introduction, traduction et notes par André Lirondelle, Professeur à l'Université de Lille. Paris (La Renaissance du Livre), 1926 // The Slavonic and East European Review. 1929. Vol. 7. № 20. P. 457.
17. La rivista “Commerce” e Marguerite Caetani. Direzione di Sophie Levie. III. Letters from D.S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Edited by Sophie Levie and Gerald S. Smith. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015.
18. *Efimov M.* La dimensione russa di “Commerce”: il principe D. Sviatopolk-Mirskij e E. Izvol'skaja /

- Ефимов М. Русское измерение “Commerce”: кн. Д. Святополк-Мирский и Е. Извольская [The Russian dimension of “Commerce”: Prince D.S. Mirsky and E. Izvol'skaia] [Рец.: Letters from D.S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Eds. Sophie Levie and Gerald S. Smith. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015] // *Enthymema*.— 2015.— № 13. [Электронный ресурс]: URL: <http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/6706> (дата обращения: 20.11.2017).
19. Святополк-Мирский Д., кн. Критические заметки // Версты. 1928. № 3. С. 155–160. [Sviatopolk-Mirsky, D. [Critical Notes]. *Vyorsty* [Milestones]. 1928. No. 3. P. 155–160.]
20. *Mandelstam O.* Le Timbre Egyptien / Traduit par D.S. Mirsky et G. Limbour // Commerce. 1930. Cahier XXIV. P. 119–168.
21. *Pouchkine A.* Le Maure de Pierre le Grand (traduit du russe par H. Iswolsky) // Commerce. 1926. Cahier VII. P. 193–199.
22. *Pouchkine A.* La dame de pique. Traduction de J. Schiffrin, B. de Schloezer et A. Gide, avant-propos d' André Gide, illustrations de Vassili Choukhaeff. Paris: Éditions de la Pléiade, 1923.
23. *Pouchkine A.* Le Coup de feu (traduit du russe par André Gide et Jacques Schiffrin) // Commerce. 1928. Cahier XVI. P. 53–81.
24. *Mirsky D.S.* T.S. Eliot et la fin de la poésie bourgeoise // Echanges. 1931. № 5. P. 44–58.
25. *Pushkin A.* The Queen of Spades / Translated by J.E. Pouterman, C. Bruerton. Engravings in colour by A. Alexeieff. Preface by Prince D. Sviatopolk-Mirsky. London, 1928. P. 11–18.
26. *Фрезинский Б.* Мозаика еврейских судеб. XX век. М., 2008. (Чейсовская коллекция). [Frezinsky, B. *Mozaika evreiskikh sudeb. XX vek.* [The Mosaic of Jewish Fortunes. The 20th Century]. Moscow, 2008. Chase Collection.]
27. *Milton J.* A Brief History of Moscovia and of other less-known Countries lying eastward of Russia as far as Cathay, gathered from the writings of several Eyewitnesses, with an introduction by Prince Mirsky. London: The Blackamore Press, 1929.
28. D.S. Mirsky: Twenty-two letters (1926–34) to Salomeya Halpern; seven letters (1930) to Vera Suvchinskaya (Traill) / Ed. by R. Davies, G.S. Smith // Oxford Slavonic papers. 1997. Vol. XXX. P. 89–120.
29. *Pouchkine: 1837–1937 / Textes recueillis et annotés par J.E. Pouterman.* Paris: Editions sociales internationales, 1937.
30. *Meynieux A.* Trois stylistes, traducteurs de Pouchkine – Mérimée, Tourguénev, Flaubert. Essai de traduction comparé.— (Cahiers d'études littéraires). – Paris, 1962.
31. *Измайлов Н.В.* И.С. Тургенев – переводчик Пушкина на французский язык // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л., 1974. Т. 7. Пушкин и мировая литература. С. 185–203. [Izmailov, N.V. [Turgenev as Translator of Pushkin into French]. *Pushkin: Issledovaniia i materialy* [Pushkin: Studies and Materials]. AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). Leningrad, 1974. Vol. 7. Pushkin i mirovaia literatura [Pushkin and World Literature]. P. 185–203.]
32. *Gourmon R., de.* La comparaison et la métaphore // Le Problème du style, VII. Paris: Mercure de France, 1902.
33. *Кроммелинк Ф.* Великодушный рогоносец / пер. И.А. Аксёнова. М.; Л., 1926. [Krommelink F. *Velikodushnyi rogonosets* [The Magnanimous Cuckold]. Translated by I.A. Aksenov. Moscow, Leningrad, 1926.]
34. Восемь бельгийских пьес: перевод с фламандского и французского / сост. И.Д. Шкунаева; авт. ст. Л.Г. Андреев. М., 1975. С. 89–196. [*Vosem' bel'giiskikh p'es: perevod s flamandskogo i frantsuzskogo. Sost. I.D. Shkunaev; avt. st. L. Andreev* [Eight Belgian Plays: Translation from Flemish and French. Comp. by I. Shkunaev, Introduction by L. Andreev]. Moscow, 1975. P. 89–196.]